

Бехтерев Владимир Михайлович

Конечно, уместно начать именно так, как написано в энциклопедии (в Большой Советской, например). Бехтерев Владимир Михайлович (20.01.1857), село Сорали Вятской губернии, советский психиатр, невропатолог, психолог, физиолог и морфолог... Ну и так далее по тексту. Что же, можно и так. Только не хочется. Уж очень не вяжется имя Бехтерева, его необычная судьба, со скупостью энциклопедических строк. Начнем, пожалуй, с небольшого исторического экскурса. Давайте выясним, когда же возникла психиатрия? Люди еще с древних времен научились отличать душевные расстройства от телесных. И, не зная как их объяснить, старательно их фиксировали. На сегодняшний день летопись психических заболеваний насчитывает тысячелетия. Древний вавилонский царь Навуходоносор "скитался, как вол, опустив голову, по пастбищам; весь оброс и питался травой". Появлялись в разное время и в разных местах приюты для душевнобольных. Но они больше напоминали тюрьмы: пациентов нещадно били, заковывали в цепи, устраивали мучительные лечебные процедуры. Подлинную человеческую свою историю психиатрия начинает с Пинеля, французского врача, который первый снял больных с цепи. Пинель был главным врачом приюта для умалишенных Бистера в годы Великой Французской Революции. Видимо, именно навеянные Революцией вихри всеобщего равенства и братства, захватившие и Пинеля, заставили его подумать о больных. Бистер был в то время страшным местом: одновременно богадельня, сумасшедший дом и тюрьма. Беспокойные больные прикованы к стенам вместе с бандитами и убийцами. Прошение Пинеля снять с цепей душевнобольных вызвало у правительства замешательство. Член правительства Кутон, близкий соратник Робеспьера сказал Пинелю: "Гражданин, завтра я навещу тебя в Бистере, горе тебе, если между твоими помешанными скрыты враги народа". Пинель смертельно рисковал. Кутон сдержал обещание и осмотрел Бистер. Он сказал Пинелю: "Хорошо. Поступай как знаешь, но я боюсь, что ты станешь жертвой собственной смелости". Снятие цепей было великим шагом. Пинель, по точному выражению психиатров, возвел сумасшедшего в ранг больного. После освобождения больных во Франции, то же самое было сделано в Англии, а затем в Германии. В России судьба душевнобольных, надо заметить, была намного мягче, нежели в других странах. Болезнь считали наказанием свыше. Только загадочностью русской души можно объяснить почитание на Руси юродивых (примером тому известный храм Василия Блаженного в Москве). Прибежищем для всех скорбных духом служили монастыри, а во второй половине восемнадцатого века началось строительство домов презрения. В 1857 году серьезно психиатрией занялся молодой врач из Медико-хирургической Академии Балинский; с него-то и начинается научная история психиатрии в России. Его ученик и приемник Мержеевский уже регулярно читал лекции по психиатрии в Академии, куда намеревался поступить Бехтерев. Но еще задолго до всех описываемых событий встал вопрос: связаны ли психические расстройства с нарушением функций мозга или нет? А почему мозга? Почему не печени, например? Или еще чего-нибудь? И все-таки мозг. Не станем описывать здесь как шла борьба (в буквальном смысле) по поводу этого вопроса. Скажем только, что нелегко дался мировой медицинской науке этот важнейший шаг вперед. Интересно здесь будет сказать о занятном совпадении: год рождения Владимира Бехтерева совпал с началом деятельности Балинского в области психиатрии. Итак, 1857-ой год. Через шестнадцать лет Бехтерев, окончив семь классов ненавистой гимназии, поехал в Петербург, в Медико-хирургическую Академию. Ведь и не собирался вовсе посвящать себя медицине. В гимназии учился так себе (помимо троек в выпускном свидетельстве четверки по физике и закону божьему).

Очень увлечен естественными науками. Но приложить свои желания в Вятке было некуда, а сама мысль о продолжении учебы в гимназии ему противна. Кругом Вятка и скука, а впереди, кажется, безысходность. Тут-то и подворачивается случайно объявление о приеме в Медико-хирургическую Академию после седьмого класса гимназии. Но даже уже будучи студентом, Бехтерев не собирается заниматься именно мозгом. Его, как будущего естествознателя тянет совсем к другому. То он думает посвятить себя акушерству - интересно ему, видите-ли как применяются точные законы механики в таком тонком деле, как рождение человека; то глазные болезни привлекают к себе его внимание. Занимает его, насколько законы физики способствуют исследованию зрения. В Академии состоялось знакомство Владимира Бехтерева с молодым палатным врачом Иваном Сикорским. Сикорский - знаменитая личность часто повторял, что надо быть полным идиотом, чтобы заниматься чем-нибудь иным, нежели познанием человека. Сорок лет после этого длилась их приязнь и дружба, а когда они однажды и вдруг оказались непримиримыми врагами, о предмете их розни узнал весь мир. В больнице и в Академии Бехтерева полностью захватила наука. Но, несмотря на всю его отрешенность от политических дел, летом после третьего курса, он уехал на войну в Болгарию. Военная кампания его длилась всего четыре месяца - началась на переправе русских войск через Дунай и закончилась жесточайшей лихорадкой от ночлега на сырой земле. Он вернулся в Петербург совершенно иным, нежели покидал его, и главное в этом изменении было чувство сострадания, более не оставлявшее его никогда. Заканчивая обучение молодой доктор Бехтерев весело, как и все его соученики, подмахнул факультетское обещание врача - знаменитую клятву Гиппократова. Просто формальность. Но не прошло и трех лет, как жизнь поставила его перед серьезной нравственной проблемой. Осенью 1881 года заговорщики при помощи бомбы казнили царя-"освободителя". Один из пациентов Бехтерева, сановный чиновник, в приватной беседе рассказал молодому врачу, что новый император намеревается арестовать князя Кропоткина и других видных революционеров, причастных, по его мнению к заговору. Бехтерев слушал своего словоохотливого пациента, машинально кивая головой, и с удивлением прислушивался к внутреннему голосу: как предупредить (а Кропоткин в то время жил в Париже), через кого? а врачебная тайна? а клятва, принесенная так недавно? Через много лет Бехтерев об этом случае рассказывал своему товарищу правоведа Анатолию Федоровичу Кони: "Сообщил. Знаете, сейчас припоминаю: терзался, терзался именно в связи с нарушением клятвы". Прошло еще немного времени и Бехтереву снова пришлось вспоминать эту историю. Попутчик в вагоне поезда сказал ему, что в соседнем купе едет Кропоткин. И Бехтерев пошел знакомиться. Представляться ему не потребовалось. "Я прекрасно знаю Вас много лет! - экспансивно воскликнул Кропоткин. - Вы же спасли мне жизни!". Практически сразу после окончания Академии Бехтерев стал работать в области познания деятельности головного мозга. Конец XIX века для исследования мозга был чем-то схож с эпохой великих географических открытий. Лаконичный латинский афоризм "Строение темно, функции весьма темны" исчерпывающе отражает ситуацию. Карты мозга уточнялись, обрастали деталями. Они и поныне сохраняют самые причудливые названия своих областей, островов и закоулков: роландова борозда, варолиев мост, морской конек, лира Давида, турецкое седло, запятая Шульца. В перечне названий много имен, и имя Бехтерева повторяется там трижды - много ли можно насчитать первооткрывателей земель, чьи имена трижды повторяются на географической карте? Бехтерев, пройдя конкурс награничную командировку, отправился в Лейпциг, к Флексингу, директору психиатрической колонии, знаменитому в то время исследователю нервной

системы, автору нескольких новых методов исследования мозга. Железное правило Флексинга: не пускать врача в клинику, пока две пары штанов не просидит за микроскопом. Впоследствии Флексинг писал: "Здесь начал Бехтерев - этот подлинно врожденный исследователь свой славный путь". И был неправ. Начал Бехтерев еще в Петербурге, и отправился в заграничный вояж опубликовав уже более пятидесяти работ. В ту пору в ходу у исследователей мозга был в основном единственный метод: из уплотненного в спирту мозга выделялись, выщипывались, друг от друга отделяясь, отдельные волокна. Да еще окрашивались. В книге "Проводящие пути головного и спинного мозга" Бехтерев предлагает свой "метод сравнения последовательных срезов одного направления". За этими словами стоит изнурительный многочасовой труд. Нож микротомы отсекает тончайший срез замороженного мозга, и этот срез, укрепленный на стеклышке попадает под микроскоп для рассмотрения и зарисовки. Второй срез, пятый, трехсотый, и удастся проследить наверняка и до конца пути нескольких нервных волокон и связи нескольких клеток. Новое направление, тысячи новых срезов - кропотливый и терпеливый муравьиный труд. Около двадцати лет рабочий стол Бехтерева был завален стеклышками со срезами. Уезжая на новое место, он всегда оставлял на старом многотысячную коллекцию срезов. Книга "Проводящие пути" была переведена на несколько языков, удостоилась золотой медали Российской Академии Наук. На ней основаны все современные атласы мозга. И один из составителей этих атласов, сам потративший на них всю жизнь, немецкий профессор Копш, произнес некогда такую фразу: "Знают прекрасно устройство мозга только двое: Бог и Бехтерев". После Лейпцига Бехтерев отправился во Францию, в госпиталь Сальпетриер. Благодаря его основателю и руководителю профессору Шарко Сальпетриер стал Меккой невропатологов Европы. Бехтерев привез мэтру Шарко изумительно изготовленные препараты срезов мозга. Благодарность Шарко была величественной: вместо того, чтобы поручить практиканта из России одному из своих врачей, он лично показал ему интереснейшие явления применения гипноза на истеричных. В ту пору гипноз только-только входил во врачебную практику и вокруг этого метода лечения велось немало споров. В их центре стояло противостояние школы Шарко и школы профессора Бернгейма. Шарко утверждал, что состояние гипноза - ненормальное и нездоровое состояние мозга, что это искусственно вызванный невроз. Бернгейм же считал гипноз просто сном, вызванным внушением. И все, чего удастся добиться гипнозом - такое же следствие словесного внушения. Время принесло поражение школе Шарко, сдвинув, однако, и школу Бернгейма с ее усердно охраняемых позиций. И если бы Шарко знал, что молодой русский приезжий Бехтерев примет сторону Бернгейма, и станет не только утверждать нормальность гипнотического сна, но и его чрезвычайно целебное воздействие, он бы, верно, не был так приветлив. Уже спустя несколько лет после короткого пребывания в Сальпетриере профессор Бехтерев читал в Обществе неврологов лекцию по поводу очень интересной болезни: "Сдавление поясничной части спинного мозга, осложненное припадками сомнамбулизма и ревматическим поражением суставов с благоприятным лечением этих состояний гипнозом". Но коллегам-врачам лекции Бехтерева об исцелении под гипнозом нужны были тогда и полезны до чрезвычайности не только по богатству научного материала, а совсем по иным, куда более важным причинам. Дело в том, что гипноз в России был в то время под подозрением. И сильно, очень сильно рисковал тот, кто его проповандировал. Только неустанная работа Бехтерева и его товарищей: статьи в журналах, лекции, удачно вылеченные пациенты и многое другое способствовало тому, что гипноз, как метод лечения различных недугов был принят официально. Кстати, коллективную

психотерапию алкоголиков под гипнозом ввел в России тоже Бехтерев. Разработанная им методика до сих пор - с небольшими изменениями применяется повсеместно. Сохранились уникальные кинокадры: Бехтерев гипнотизирует огромную аудиторию из специально собранных больных. Он начинал говорить о вреде алкоголя, слова его тем вернее западали в душу, чем глубже спал человек. Многим, очень многим это спасло жизнь, и свой последний доклад, всего за тридцать два часа до внезапной смерти, делал семидесятилетний Бехтерев как раз о коллективной психотерапии под гипнозом. Еще будучи в заграничной командировке Бехтерев получил предложение занять вакантную кафедру психиатрии в Казанском университете. После внутренних терзаний (уж очень не хотелось покидать ему обустроенные лаборатории) Бехтерев все-таки согласился и вместе с женой отправился в Казань. Восемь лет преподавания в Казани - пожалуй, самый плодотворный период в жизни Бехтерева. В начале девяностых годов, спустя десять лет после "Проводящих путей спинного и головного мозга", начал выходить его авторский семитомник "Основы учения о функциях мозга" - уникальная, единственная не в России, а в мире энциклопедия всего что знал человек к тому времени о мозге. Это было документальным, надежным и основательным фундаментом тех идей, что под названием "невризма" отстаивались в те годы думающими исследователями и врачами во всем мире. Бехтерев употребил впервые это слово - "неврология", чтобы обозначить им весь круг наук о нервной системе, изучать которую будет еще века. Он же основал в России специальный журнал: "Неврологический вестник". Летом 1893 года неожиданно пришел вызов. Начальник Военно-медицинской академии предлагал профессору Бехтереву принять главную в стране психиатрическую должность - кафедру нервных и душевных болезней, оставляемую Мержеевским по выслуге лет. Подходя к описанию деятельности Бехтерев в этой должности, необходимо заметить, что еще совсем недавно в психиатрии почти не было русских врачей. Даже истории болезней писались по-немецки. Сам Бехтерев большую часть своих сил направил на организацию и постройку нервной клиники, условия лечения в которой соответствовали бы требованиям того времени. Сколько было потрачено этих сил! На то, чтобы пробить чиновничью тупость, достать строительные материалы, медикаменты, на поиск хороших врачей и на многое, многое другое. То есть на те, казалось бы, мелочи, за которыми стоит нечто более значимое: здоровье многих сотен и тысяч людей. Потом уже, несколько лет спустя, когда нервная клиника была построена, и открылось первое в мире нейрохирургическое отделение, и больные работали на огородах, шили, и другим трудом занимались, и оказалась целительной такая занятость, и приезжать стали учиться врачи со всей России, Бехтерев вдруг ощутил такую опустошенную усталость, что, провоя век девятнадцатый, поднял тост за блаженные времена, когда ученые смогут заниматься одной только наукой. (Увы, точно такой же тост, не исключено, придется поднимать и нам, провоя двадцатый век. Все к этому идет.) В 1897 году Бехтерев возглавил кафедру психиатрии Женского медицинского института. Восемнадцатого декабря этого года Бехтерев произносил речь, тема которой относилась к общественной психологии. Речь его, через год была выпущена отдельной книгой, которая от переиздания к переизданию становилась все полней и глубже. Бехтерев говорил о внушении, о воздействии на психику словом. Тема "Внушение и его роль в общественной жизни". Главный акцент был направлен на мысль, что внушение - это давление, которое оказывают люди друг на друга словами, интонацией мимикой, своими поступками. Внушение - это всякое "производимое на психику впечатление", попадающее в мозг помимо сознательного контроля разума. Бехтерев в своей речи, также отмечал, что внушаемость помимо своих лечебных

свойств имеет и обратную сторону, участвуя в организации массовых психических безумий, ослепления тысячных толп, населения деревень и городов, а порой и целых народов. Но главная забота доктора Бехтерева - конечно, больные. У больных во все времена и эпохи одинаковые, должно быть, глаза - в них боль, и терпение, и надежда. Все, чего достиг Бехтерев и его современники в анатомии нервной системы и в знании управляющих связей мозга, немедленно проверялось в клинике, служа распознаванию места повреждения нервной системы. Главную свою славу Бехтерев приобрел как невропатолог. Он описал удивительные, бесценные для невропатологов явления: неудержимый смех или плач при отдельных повреждениях мозга, ложное чувство движения давно парализованных конечностей, случаи внезапных временных застываний, когда больному вдруг переставало на миг повиноваться тело. Не существовало с некоторых пор ни одного раздела в невропатологии, где обошелся бы серьезный разговор без идей, фактов, гипотез Бехтерева. А одна из болезней навсегда получила его имя. Выделенная им, несомненно отличная от прочих поражений позвоночника, и только до поры скрытая среди них. Но, распознав болезнь, ее надо лечить. Бехтерев делал это удивительно. Еще по-прежнему была справедлива шутка лектора, читавшего им в Академии фармакологию: лекарств, хотя и тьма-тьмущая, но все по настоящему действенные средства можно записать на ногте большого пальца. Разнообразия и совмещая различные снадобья, Бехтерев создал собственную смесь - микстуру, носящую его имя, и до сих пор применяющуюся при лечении некоторых неврозов. А все, что сделал Бехтерев для российской нейрохирургии, - пункт особый. Старшее поколение хирургов еще и в это время очень сдержанно отзывалось о возможностях и перспективах "черепосверления". И вот, открывая новую клинику нервных болезней, Бехтерев сказал с гордостью, что в ней начинает действовать первое в мире специальное хирургическое отделение. Отныне сами невропатологи возьмут в руки нож общих хирургов. На всех операциях в первые годы он неотлучно присутствовал сам. Так открылось в России первое специальное нейрохирургическое отделение. Очень хочется на фоне этого перечисления удивительных достижений Бехтерева-ученого обратиться к Бехтереву-человеку. Это будет очень интересно, ибо о нем, как ни о какой другой знаменитости ходила масса анекдотов. Коллега его вспоминает, как шли они однажды по двору, и Бехтерев с ловкостью, удивительной для его грузной фигуры, подхватил споткнувшегося мальчугана. Погладил его по голове и продолжил прерванный разговор. "Чей это мальчонка?", - спросил спутник. "Не знаю", - ответил Бехтерев и вернулся к беседе. А мальчонка был его любимый младший сын. Один профессор вспоминал, что как-то ему, еще мальчишке-врачу, Бехтерев позвонил вдруг в три часа ночи, чтобы срочно поделиться мыслями о завтрашней предстоящей работе. "Попробовал бы я вот так позвонить ночью своему палатному ординатору" - закончивал профессор. Один из учеников и коллег Бехтерева сказал однажды, что такого человека надо обсуждать не как личность, а как явление удивительное природы. В начале века Бехтерев задумал осуществить грандиозную идею: создать институт, посвященный изучению человека. В феврале 1908 года он открыл учебные курсы Психоневрологического института. Институт стал подлинной и единственной в России высшей школой. Открывавшиеся при нем клиники и лаборатории предназначались одному единственному научному направлению: познанию человека во всех его проявлениях нормы и патологии. Почти в то же время, когда известность Бехтерева достигла своего пика, в России в области физиологии нервной системы трудился еще один великий ученый - Иван Павлов. Они начинали вместе. Именно Павлов назвал многотомник Бехтерева "Основы учения о функциях мозга"

энциклопедией о мозге. А затем между ними произошел разрыв. Спорили они почти по каждой из идей о назначении и работе различных отделов мозга. И кроме результатов лабораторных опытов у каждого был крутой характер, и чисто научные разногласия привели к личной неприязни и вражде. Они не подавали друг другу руки и не разговаривали друг с другом. Через шесть лет после смерти Бехтерева, в 1933 году на съезде физиологов в Берне Иван Петрович Павлов сказал хирургу Пуссепу: "Теперь только я почувствовал насколько мне недостает клинической неврологической подготовки". Время стерло их вражду, и в истории наук о мозге они стоят рядом. После Революции, в 1918 году Бехтерев начал проводить исследования на детях. Многие из того, что известно сегодня о младенческом периоде созревания человека, обязано началом своим, истоками и зарождением, все тому же неутомимому бехтеревскому любопытству. А Бехтерев и своих детей использовал для исследовательских целей. Особенно младшую, любимицу, последнюю дочь, пятого своего ребенка - Марию. Он собрал большую коллекцию детских "рисунков девочки М." - так подписаны они были в его статье "Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении". А потом оставлена им была и эта тема. Ученики продолжили и здесь, с благодарностью ссылаясь на Бехтерева - зачинателя и вдохновителя, автора идей и методик, снова бросившего все, как только началось продвижение по отверстой и размеченной им дороге. Потом Бехтерев заинтересовался... дрессировкой животных. Результаты дрессировки он пытался объяснить и связать с функцией так называемых сочетательных рефлексов. Работы в лаборатории потом перекинулись на людей. Исследуемому раздражали стопу или палец слабым ударом тока и получали двигательную реакцию. Одновременно пришло сообщение из лабораторий Павлова. Его сотрудник получил выделение слюны у собаки на звук, который несколько раз предшествовал кормлению. Тот же сочетательный рефлекс. У Павлова его назвали условным. Так опять столкнулись два гения. Именно они положили начало такой безграничной дисциплине, как рефлексология. Умер Бехтерев неожиданно и быстро. Настолько неожиданно и быстро (отравился консервами поздно вечером, а ночью его уже не стало), что возникла еще одна легенда: будто кто-то отравил его специально ради неразглашения тайны диагноза, поставленного им на приеме. Это случилось 24 декабря в Москве, в 1927 году. Последней идеей Бехтерева была идея о создании Института Мозга. Там он собрал удивительный музей нервной системы. Бехтерев хотел, чтобы этот музей, стал именно музеем мозга. Пантеон мозга был учрежден. И судьба распорядилась им со свойственной ей иронией: первым оказался в музее мозг его создателя.